

Э. ВОВСИ (США)

НАПОЛЕОНОВСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА И НОВОЕ ИМПЕРСКОЕ ДВОРЯНСТВО, 1808–1814 ГОДЫ

Социальная история Первой Империи – широкое понятие. Ее общественная система явилась, по общему мнению, стабилизатором Французской революции, покончившей с сословным представительством Старого порядка и выразившей стремления просвещенной элиты к переустройству существующего порядка вещей. Последовавшая за революцией эпоха “карьеры, открытой талантам”¹, подготовила для будущего режима Империи фундамент для слияния прежних сословных групп, в частности, дворянства и нарождающейся буржуазии: предпринимателей и негоциантов, но в большей степени – оффисье и людей свободных профессий. Как давно доказано², на начальном этапе революции буржуазия не желала разрушения дворянско-абсолютистского общества Франции, а наоборот, желала всеми силами снискать расположение монарха и таким образом интегрироваться и получить свое место в рядах социальной элиты королевства. В эпоху же Империи правительство повело политику социальной реконструкции существующего порядка вещей в невиданных доселе масштабах, чтобы сформировать новое общество с единственной целью – служение суверену, в котором, по мнению высших слоев и выражалась всеобщая добродетель. Цель статьи – анализ генезиса созданной после 1808 г. наполеоновской аристократии и ее интеграции в высшие сферы социальной иерархии Империи – прежде всего в армии, но также и в обществе в целом.

Изучение нового наполеоновского дворянства невозможно без осмысления становления и развития системы военной иерархии и меритократии (от фр. *mérite* – “оценить по заслугам”) во Франции на переходном периоде от эпохи Старого порядка к революции и первой Империи. Этот путь сложен, многогранен и еще не до конца изучен. Однако можно точно сказать, что на определенном этапе Французской революции он стал, скорее всего, не кратким радикальным перерывом, а фундаментальным переосмыслением всего понятия меритократии. Этот процесс повлек за собой трансформацию доселе незыблемой культуры служения долгу, реконструкцию социальной иерархии, и реконфигурацию взаимоотношений между государством и различными общественными институтами, включая и армию.

Издревле военная служба королю являлась для французского дворянства делом чести, а главное – служила определенным стимулом для поддержания его привилегий. Король в свою очередь должен был вознаграждать приносимую на алтарь отечества благородную кровь, предоставляя дворянству новые возможности проявить себя, особенно в многочисленных войнах³. Именно дворяне формировали в подавляющем большинстве офицерский корпус, так как считалось, что дворянское сословие – преемник рыцарских традиций, наследия истинных воинов. Армия не только являлась мощнейшим профес-

---

¹ *Вовси Эман* – доктор истории, адъюнкт-профессор Университета штата Флорида (США). Archive National, Paris (далее – AN). Series AP^X, Archives Parlementaires de 1787–1794, t. VIII, p. 346.

² См., например, *Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007.

³ *Smith J.* The Culture of Merit: Nobility, Royal Service and the Making of Absolute Monarchy in France, 1600–1789. Ann Arbor, 1996, passim.

сиональным истеблишментом Франции последней декады XVIII в. (к тому же таким, где проблемы меритократии выдержали наибольшее число потрясений), но и организацией, сохранившейся в целостном виде на протяжении всего последующего периода.

Дворянином можно было не только родиться, но и стать, так как король практиковал и аноблирование, т.е. дарование дворянства представителям простого сословия (ротюрье) – первоначально только за военную службу. Об этом, в частности, говорилось в эдикте Франциска I (24 июля 1534 г.), который организовал провинциальные “легионы” – прообразы первых постоянных пехотных формирований королевства. В части LVI эдикта прямо указывалось, что солдат может быть произведен в особых случаях последовательно в чин лейтенанта, даже если у него и нет дворянского звания⁴. Данное положение было подтверждено и ордонансом 1629 г. (“кодекс Мишо”), который требовал лишь, чтобы командные посты в ротах пехоты и кавалерии не менее чем на 1/4 были заняты дворянами⁵.

В отличие от военного по происхождению “дворянства шпаги” те, кто получал дворянство вместе с должностью в государственном аппарате, назывались “дворянством мантии”. Так, ротюрье мог получить наследственное дворянство, если он занимал различные должности в центральной и провинциальной администрации – канцлера, хранителя печати, государственного секретаря, – которые продавались желающим купить их, хоть и стоили баснословных денег. Более низкие должности в административном аппарате, судебных палатах и финансовом ведомстве могли давать права личного дворянства при условии, что сын унаследует должность отца. Так, по разным подсчетам только в XVIII в. было аноблировано от 6 до 10 тыс. семей, в основном через систему продажи должностей⁶.

Наибольшие бедствия, связанные с неудачными для французской армии действиями в Семилетней войне, приписывались некомпетентности ее офицерского корпуса, в который все более и более проникали именно аноблированные – сыновья зажиточных буржуа, административных служащих и многочисленных рантье. Чтобы обеспечить приток капитала и содержать полк в порядке, полковник часто закрывал глаза на недостаточно “дворянское” прошлое соискателей офицерских эполет, а тех в свою очередь больше интересовала погоня за личным успехом, а не военная служба. Несмотря на то, что официально только чины капитана и полковника подлежали купле-продаже (известная как “венальность”, эта система возникла еще в средние века), посты младших офицеров в ротах – лейтенантов и су-лейтенантов – также зачастую продавались в обход многочисленных министерских циркуляров. Дворяне же из высших кругов редко утруждали себя пребыванием в армии, все чаще красуясь в Версале на балах и приемах, подчас самовольно оставляя армию. Боевая подготовка войск всецело возлагалась на офицеров из числа “провинциального дворянства”, а также на *officiers de fortune* – старослужащих солдат, произведенных в офицеры через 15–20 лет службы, обычно числом 6–7 на полк.

Традиционно титул “шевалье” не являлся дворянским, т.е. наследственным титулом. Однако определенное число их владельцев проживавших в бывших владениях испанской короны, которые отошли к Франции как, например, в 1678 г. Франш-Конте или части Фландрии (1668), продолжали их носить. После присоединения этих территорий к французскому королевству Людовик XIV продолжал практику вручения *lettres de chevalerie* (документы, дававшие право на титул шевалье); в дальнейшем за определенную плату наследственный титул мог получить любой ротюрье, проживавший в этих землях⁷. Одним из таких шевалье был Дю Рок, капитан драгун королевской армии, отец будущего гофмаршала императорского двора, Кристофа Дюрока. Еще одним способом

⁴ *Ordonnances Militaires touchant l'infanterie Française*. Rouen, 1641, p. 25.

⁵ *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420, jusqu'à la Révolution de 1789*. Paris, 1829, t. 16, p. 223–344. Дарование личного дворянства за военную службу предполагало освобождение от талли – постоянного налога на земельные наделы и недвижимое имущество.

⁶ *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой Французской революции. М., 1986, с. 31–32.

⁷ По материалам веб сайта *heraldica.org* (François A. Velde).

получения дворянства служили королевские жалованные грамоты, даровавшиеся (а зачастую и продававшиеся) за заслуги – художникам, торговцам, “промышленникам”. Многие сыновья аноблированных или жаждавшие приобрести дворянский статус и вместе с ним почет, уважение и милость при дворе вступали в армию, так как благодаря своим финансовым возможностям они могли приобрести в венальную собственность роту, а то и полк. Показательна в этом плане знаменитая семья Кольберов – выходцев из “дворянства мантии” – в которой 14 потомков из 23 выбрали военную карьеру.

Но, как известно, 19 июня 1790 г. Национальная ассамблея вотировала отмену дворянских наследственных привилегий и сопутствующих им дополнений – гербов, ливрей, и использование сеньориальной приставки “де” к фамильным титулам. Как аргументировали депутаты, только искоренение купли-продажи должностей, создание новых механизмов поощрения за службу – либо на гражданском поприще, либо в армии – на основе единственно закрепленного конституцией законодательства, базирующегося на всеобщем равенстве, послужит делу сплочения всех слоев общества и оздоровлению нации⁸. Ясно, что под эту категорию попадали дворяне, занимавшие практически все командные должности в армии. В частности, французский генералитет до революции отражал всю военную систему королевской Франции, по которой высшие должности в армии могли занимать в подавляющем большинстве выходцы из дворянского сословия. Исходя из перечня штатов 1788 г., в армии числилось 1159 высших офицеров. Из 11 маршалов Франции 5 были герцогами, 4 маркизами, 1 принцем и 1 – графом. Всего лишь 9 из 196 генерал-лейтенантов не имели дворянского звания; из 770 “полевых маршалов” лишь 136 принадлежали к третьему сословию. Даже из числа 182 бригадиров родов оружия (временный младший генеральский чин) – линейной кавалерии, драгун и пехоты – всего лишь одна треть не принадлежала к дворянскому сословию⁹.

Однако, с другой стороны, декрет 19 июня лишал привилегий и так называемое “военное дворянство”¹⁰. Так, королевский эдикт от 25 ноября 1750 г. гласил, что потомственное дворянство мог получить любой ротюрье, чьи предки в первом и во втором поколении являлись кавалерами ордена Св. Людовика и прослужили как минимум непрерывно 30 лет (либо 20 в звании капитана; 18 в звании подполковника; 16 в звании полковника или же 14 лет в звании бригадира рода оружия); наследственное дворянство жаловалось всем законнорожденным в третьем поколении. Впрочем, к началу революции только 200 семей могли гордиться принадлежностью к “военному сословию”, и получить дворянский статус (т.е. аноблироваться) исключительно за военную службу¹¹.

В результате революционных перемен в дворянской – и в большей степени офицерской – среде произошел раскол. Вместо того чтобы сплотиться и противостоять радикальным депутатам, дворянские представители в Ассамблее стали говорить о неравенстве, бесконечно обвиняя друг друга. Так, мелкопоместные дворяне презирали аноблированных, считая, что те получили посты в армии исключительно благодаря финансовым возможностям своих богатых родителей. Те в свою очередь набросились на придворную знать и высший генералитет, которые, как они считали, являются “рабами фаворитизма” и королевской милости. Масла в огонь подлили и полковые петиции, авторы которых требовали оставить на командных постах “верных дворян,

⁸ *Blaufarb R. The French Army, 1750–1820: Careers, Talent, Merit. Manchester, 2002, p. 60–66.*

⁹ *Duruy A. L'Armée Royale en 1789. Paris, 1888, p. 83–84 со ссылкой на État militaire de la France en 1789. Звание бригадира было отменено королевским ордонансом от 17 марта 1788 г., чтобы еще более ограничить проникновение выходцев из недворянского сословия в высшие командные эшелоны.*

¹⁰ *De Brquet. Code Militaire: “Édit du Roi portant création d'une Noblesse Militaire”, t. VIII, Titre CLXXVII. Paris, 1753, p. 169.*

¹¹ SHD/DAT, Y^a 228–29, содержит перечень аноблированных дворянских фамилий по эдикту 1750 г. В эту же категорию входили и те, чьи отцы погибли или же получили увечья на королевской службе.

оказавших свою поддержку трону долгими поколениями военной службы”¹². Вскоре, однако, недовольство приняло более “практическую” форму, когда дворяне в знак протеста начали покидать армию, и эта ситуация предопределила дальнейшее развитие событий в политическом ключе.

Конечно, радикально трансформировавшись в ходе революции, армия – в отличие от торговых палат, коллегий адвокатов, судов, учебных заведений и т.д. – все же продолжала оставаться единым организмом, являясь прямым проводником идеи меритократии в том виде, в каком она виделась современникам в последние годы существования предреволюционной Франции. Поэтому Наполеон, придя к власти, в целях дополнительного укрепления легитимности режима вскоре создал собственное дворянство, однако на совершенно иных принципах, чем те, на которые существовали в последние десятилетия Старого порядка.

С момента переворота 18 брюмера Наполеон считал необходимым реорганизовать Францию путем сочетания наиболее прогрессивных принципов Старого порядка, плоть от плоти которых он был сам, и основных завоеваний революционного периода – таких, как свобода, равенство, но также и “священное право собственности”, – указанных еще в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Поначалу он желал создать французское общество, основой которого были бы так называемые нотабли, состоявшие в основном из крупных землевладельцев и инвесторов (в революционную эпоху в основном скупщиков конфискованной у церкви или эмигрантов земли), т.е. те, кто согласно Кодексу Наполеона мог составлять коллегию выборщиков на местах или же быть избранным на высшие государственные посты. Впрочем, вернувшиеся по амнистии бывшие дворяне смогли вернуть в собственность лишь около четверти своей наследственной недвижимости; многие из них поступили сейчас на службу новому режиму¹³. Так, Тимолин Косе-Бриссак, выходец одной из старейших фамилий Франции, был назначен префектом; Филипп де Монтескью-Фезенсак, представитель древнего рода, восходившего к Меровингам, вернулся из эмиграции и впоследствии играл видную роль при дворе – так же как и семейства Сегюров, Колленкуров, де Линь, де Ноай и пр. Но, с другой стороны, Наполеон не мог почивать на лаврах в окружении представителей древних родов, искавших помимо прочего и расположения нового правительства – в его глазах создание нового дворянства являлось поощрением чувства чести и воздаянием по заслугам особо отличившимся на военном и гражданском поприще, воодушевление и сплочение нации в ее приверженности на службе строительства нового порядка.

Менее чем через два года после установления пожизненного консульства, 18 мая 1804 г., Сенат Французской республики принял новую конституцию, провозгласив Наполеона императором французов¹⁴. К этому времени в стране уже выросло новое поколение граждан, знавших о “бывших” лишь по рассказам. Теперь же словно из глубины веков на свет стали извлекаться давно забытые и создаваться новые придворные должности, обладатели которых призваны были служить императору и его Империи. Согласно конституции 1804 г. создавались титулы высших сановников и высших офицеров Империи. В число высших сановников входили братья Наполеона – Жозеф Бонапарт, великий электор, и Луи Бонапарт, коннетабль Империи; позднее, 9 августа 1807 г., маршал Л.-А. Бертье был назначен вице-коннетаблем. Бывший второй консул Ж.-Ж.-Р. Камбасерес стал архиканцлером, а третий консул, Ш.-Ф. Лебрен – архиказначеем – функциональные должности на манер тех, что существовали в Священной Римской Империи. В число высших сановников входили так же и главы министерств – юстиции, внутренних дел, военного, флота и т.д. Туда же входили вице-великий электор и главный камергер императорского двора Ш.-М. де Талейран-Перигор, гофмаршал императорского двора К. Дюрок, главный конюший, губернаторы альпийских и

¹² *De Jassuad L.* Invitation à la noblesse française. Paris, 1790.

¹³ *Ellis G.* The Napoleonic Empire. London, 1991, p. 74–75.

¹⁴ См. *Sénatus-Consulte Organique 28 floréal an XII.* – *Dufau P.* Collections Des Constitutions, v. 2. Paris 1821, p. 217–240.

голландских провинций, а также 18 виднейших генералов, возведенных после 18 мая 1804 г. в маршалы Империи (позднее их число увеличилось до 26). Сюда же входили инспекторы и будто вновь воскресшие из времен Старого порядка “генерал-полковники” родов оружия – Гувьон де Сен-Сир (кирасиры), Э. Богарне (конные егеря), Бараге д’Ильер (драгуны) и А. Жюно (гусары).

Декрет от 30 марта 1806 г. определил статус членов императорской фамилии. Она состояла из братьев Наполеона – принцев крови, – их супруг и их наследников в законном браке; сестер Наполеона и их супругов и их наследников в законном браке до пятого колена; приемные дети императора и их законные наследники¹⁵. В это же время была создана и первая группа имперских титулов, преимущественно на основании многочисленных итальянских княжеств (Наполеон с мая 1805 г. являлся королем Италии) и германских территорий (после упразднения Священной Римской Империи в августе 1806 г.) – Неаполь, Сицилия, Венеция, Клеве и Берг, Нёвшатель и пр., – переданных в держание родственникам императора, с перечислением 1/15 дохода с земель в их личное пользование. Перекраивая карту Европы, вверая бразды правления на местах своим многочисленным родственникам, верным сановникам и генералам, Наполеон подготавливал общественное мнение к новой мере по упрочению легитимности своей Империи на наследственной основе – созданию имперского дворянства.

По словам Луизы де Ноай, бывшей фрейлины королевского двора, а теперь статс-дамы императрицы Жозефины, “в то время говорили о рыцарстве, как в эпоху революции говорили о свободе”¹⁶. Но если оставить в стороне эти и другие риторические рассуждения о “новом рыцарстве”, о трубадурах, воспевавших доблести далекого прошлого, то возникновение наполеоновского дворянства в эпоху первой Империи базировалось на конкретных социальных и политических аспектах.

Так, при учреждении ордена Почетного Легиона в 1802–1804 гг., эта государственно-общественная организация (с 1804 г. еще и как награда) первоначально вполне отвечала целям и задачам нового режима в деле сплочения страны¹⁷. Однако при последующей трансформации консульского правления в наследственную монархию Наполеону стало ясно, что Почетный Легион при всей своей привлекательности не обеспечивал того, к чему так стремился император – признания легитимности новой династии в глазах Европы. В итоге политическая функция Почетного Легиона стала основой для нового института, более отвечавшего династическим амбициям Наполеона – имперского дворянства.

Часто цитируемые рассуждения Наполеона в его знаменитом ответе сенатору Рёдереру о том, “кто такой богач, как не вор?” и “как основывать на богатстве знатность”¹⁸, необходимо расширить. Созданное 1 марта 1808 г. дворянство Империи было призвано, по мнению Наполеона, играть прежде всего политическую роль. В своем письме архиканцлеру двора Камбасересу император отмечал¹⁹, что, во-первых, вновь учрежденное дворянство означало законность власти, окружив трон фалангой “уважаемых семей, которые своим стремлением к службе поддерживают нынешнее правление”. Далее, создание нового дворянства должно было укрепить наполеоновское правление – с привлечением в свои ряды остатков старой знати, которая, будучи интегрирована в “новую”, придаст престижа и легитимизма режиму. И, наконец, таким образом “облагороженная”, это новая знать будет блистать во дворцах Европы

¹⁵ Statut sur l'état de la famille impériale – IV, Bulletin des lois, LXXXIV, № 1432.

¹⁶ Petiteau N. *Noblesse d'Empire et élites au XIXe siècle*. – Revue du Souvenir Napoléonien, № 411, février 1997, p. 10.

¹⁷ SHD/DAT, X^R 1 (Commissariat des guerres, généralités); “Loi portant création d’un Légion d’honneur”, published in Journal Militaire. Paris, 1802, p. 564–566.

¹⁸ Bertaud J.-P. *Napoleon's Officers. – Past and Present* № 112, August 1986, p. 91–111; *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999, с. 86.

¹⁹ AN, AF IV 1310 “Réponse du Cambacérès, l’archi-chancellor, à la deuxième note de l’Emperor”.

наравне с отпрысками древних фамилий, показав, что отныне во Франции похоронены все попытки революционных выступлений и раздоров и страна готова присоединиться к семье европейских наций. Данный тезис был наглядно подтвержден в 1810 г. во время сочетания Наполеона вторым браком с внучатой племянницей Людовика XVI, австрийской эрцгерцогиней Марией Луизой.

Своим декретом “О Титулах” Наполеон создал полную иерархическую лестницу титулов, повторявших старорежимные: князь (отличался от принца крови, см. выше), герцог, граф, барон и шевалье²⁰. Каждый вновь титулованный теперь квалифицировался своим положением, будучи верноподанным Империи – например, “герцог Империи”, “барон Империи” и пр. По каким-то (вероятно, личным?) мотивам Наполеон решил обойтись без титулов маркиза и виконта, так и не возродив их. Титулы по праву первородства распределялись следующим образом:

- принцы крови и князья из числа Высших сановников и офицеров Империи;
- герцоги для их старших сыновей в законном браке;
- графы для министров, сенаторов, государственных советников, президентов

Законодательного корпуса (последовательно сменявших друг друга Луи де Фонтан, Элизабет-Пьер де Монтескью-Фезенсак и Клод Ренье) и архиепископов;

- бароны для президентов коллегии выборщиков (минимальный срок, дававший баронское звание, – не менее трех сессий), первого президента Кассационного Суда, первого президента и генерального прокурора Аудиторского Суда и так же для Апелляционного Суда, мэров наиболее крупных городов (37 из тех, что были приглашены на коронацию 2 декабря 1804 г.) и епископов. Все вышеперечисленные позиции должны быть заняты должностным лицом не менее 10 лет;

- там же в ст. 13 указывалось, что вышеозначенные титулы могли быть пожалованы любому лицу – маршалам, генералам и адмиралам (и вообще военным), служащим министерств, деятелям искусств и пр. – по личному благоволению императора французов.

В 1806 г. было создано четыре суверенных владетельных княжества: Нёвшатель, Понте-Корво, Беневенто и Гвасталла. Далее, были титулованы четыре князя в честь победоносных сражений: Экмюльский (Л.-Н. Даву, 1809), Ваграмский (Л.-А. Бертье, 1809), Эсслингский (А. Массена, 1810) и Москворецкий (М. Ней, 1813). В то же время были созданы: 12 герцогств-фьефов в Королевстве Италия; одно в княжестве Лукка-Пьомбино; 4 в Королевстве Неаполя и 3 – в Парме. Чтобы показать преемственность военной доблести, были также созданы 10 герцогских титулов в честь других отдельных победоносных сражений или капитуляций крепостей во времена войн революции и империи (так, маршал Ф.-К. Келлерман получил титул герцога де Вальми в честь одержанной им одноименной победы 20 сентября 1792 г., тогда как Ф. Лефевр – герцога Данцигского в конце мая 1807 г.); дополнительно были созданы 6 герцогских титулов за гражданские заслуги. Интересно отметить, что из основного числа наполеоновских маршалов лишь двое – Г.-М. Брюнн и Ж.-Б. Журдан – не были титулованы, тогда как 7 наиболее приближенных Наполеону генералов, включая и посла в России Армана де Коленкура, были пожалованы титулами герцога Империи. Одним из последних – 21 июня 1815 г. – “победный” титул герцога Линьи получил дивизионный генерал Ж.-Б. Жирар за успех в одноименном сражении во время кампании в Бельгии.

Основным отличием наполеоновского дворянства являлось отсутствие его венальности, при которых дворянские титулы могли продаваться (часто вместе с должностью) богатым буржуа, как это было при Старом порядке. Так, Г. де Семонвиль (бывший глава парижского высшего суда, а при Империи сенатор) писал, что “старое дворянство, хотя изначально и базировалось на принципах меритократии, неудачно осуществлявшаяся королевская политика привела к удручающим последствиям”, особенно там, где генеалогия превозносилась выше добродетели. Наполеон же учредил дворянство на принципах совершенно иных, поставив во главу угла “первостепен-

²⁰ Décret concernant les titres – IV, Bulletin des Lois, CLXXXVI, № 32.

ность в наследственности, основывающуюся на служебном рвении”. Дворянство жаловалось за конкретную службу, оно давалось как награда, призванная укрепить основы легитимизма, и являющейся надежной опорой трона, что характерно для любой страны того периода. И предоставляя равные права всем слоям населения, Наполеон отмечал в своем обращении к Сенату, что “вознаграждения лишь за военную службу... могут нанести серьезный ущерб гражданскому служению, не менее способствующему благополучию государства и успехам наших армий”²¹.

Одной из первых работ, где исследовалось имперское дворянство в его совокупности, был труд Э. Кампардона “Перечень членов имперского дворянства на основании выданных патентов”²². Кампардон расположил всех дворян империи – военных, гражданских сановников, ученых и пр. – в общем алфавитном порядке с указанием звания и даты присвоения дворянского титула. Спустя 90 лет новое исследование на эту тему издал директор Института Наполеона при Сорбонне проф. Ж. Тюлар. В книге “Наполеон и дворянство Империи”, основываясь на обширных архивных данных, ученый пишет о более чем 3360 лицах, возведенных императором в дворянство за период с 1808 по 1815 г., исключив членов семьи Наполеона и тех, кто был связан с семьей Бонапартов узами династических браков²³. Применив иерархический принцип (по группам), Тюлар получил следующую картину: 34 князя и герцога, 459 графов, 1552 барона и 1319 шевалье Империи, большинство среди которых составляли высшие и старшие офицеры армии и флота, а также представители военной администрации. К сожалению, в обеих работах допущена идентичная ошибка: во всех случаях командиры батальонов частей Императорской гвардии неверно названы подполковниками – этого звания не существовало в армии Наполеона, но оно имело место в эпоху второй Реставрации, когда составлялись эти списки.

Необходимо отметить, что из дворянской группы шевалье (или “рыцарей” Империи) должны быть исключены многочисленные кавалеры (фр. *chevaliers*; также произносится “шевалье”) ордена Почетного Легиона. Так, при учреждении ордена в 1802 г. низшая степень получателей этого отличия в организации именовалась в подражание Древнему Риму “легионерами” и составляла 15 (позднее 16) когорт, по 350 легионеров в каждой из находившихся под почетным командованием прославленных военначальников Франции. При организации имперского дворянства в марте 1808 г. Наполеон пожаловал титул “шевалье Империи” всем награжденным легионерским крестом, учрежденным как знак отличия для ношения на груди в июле 1804 г. Однако их автоматическое возведение в ранг имперского дворянства прекратило свое существование, не успев, по сути, начаться. Согласно ст. 12 декрета от 1 марта 1808 г. титул шевалье награжденного орденом Почетного Легиона мог быть передан по наследству только в том случае, если “предъявитель прошения на получение патента мог предоставить Верховному канцлеру [ордена] документ, удостоверяющий годовой доход в размере не менее 3000 фр.”. Ясно, что предоставить такую сумму не мог не только солдат, но даже и офицер уровня роты. Так, годовой доход лейтенанта в линейном полку равнялся 1200 фр. в год; капитана – в зависимости от выслуги лет и рода оружия – от 1600 до 2400 фр. Свыше 40% офицеров армии Наполеона не имели какого-либо внеслужебного дохода; лишь около 7% могли рассчитывать дополнительно на ежегодную ренту Почетного легиона (250 фр. для легионеров, 1 тыс. фр. для офицеров). В общем и целом процент офицеров из состоятельных семей не превышал 9; офицеры, чей семейный годовой доход был более 10 тыс. фр. в год составляли не более 2% и т.д.²⁴

²¹ AN, AF IV 1040 “Adresse au Sénat”.

²² *Campardon É.* Liste des Membres de la Noblesse Impériale, dressée d’après les registres de lettres patentes. Paris, 1889.

²³ *Tulard J.* Napoléon et la noblesse d’Empire: avec la liste des membres de la noblesse impériale, 1808–1815. Paris, 1979; repr. 2003.

²⁴ *Bertaud J.P.* Op. cit., p. 104.

Хотя основная масса наполеоновского служилого дворянства пребывала как минимум в младших офицерских чинах, по личному усмотрению Наполеона дворянский титул “шевалье Империи” мог присваиваться за особые заслуги лицу из солдатской среды – как, например, в случае с конным егерем императорской гвардии Эдуаром Дюваль-Донье²⁵. Впрочем, для того, чтобы подчеркнуть элитарность нового института, 3 марта 1810 г. был издан очередной декрет, в котором признавался дворянский наследственный статус кавалера ордена Почетного Легиона лишь в третьем поколении²⁶. Таким – и, пожалуй, единичным – примером может служить Эмэ-Марин-Мишель Мале-Марин, капрал-фурьер 3-го полка линейной пехоты. В этом случае Эмме-Марин-Мишель унаследовал титул шевалье Империи 21 февраля 1814 г., после того как в него были последовательно возведены его отец, Амелик Мале-Марин, командир батальона 3-го линейного (18 августа 1810 г.), и его старший брат – Мишель Мале-Марин (8 мая 1812 г.) – лейтенант в том же полку²⁷. Таким образом, налицо был возврат к прошлому, а именно к королевскому эдикту 1750 г. о “военном дворянстве”, установившему примерно такие же правила.

Дополнительно декрет от 26 августа 1811 г. позволял местной знати на аннексированных Францией территориях ходатайствовать о приобретении титула шевалье Империи. Впрочем, в связи с краткосрочностью наполеоновской Империи, данный декрет не нашел практического воплощения.

По данным Ж. Тюлара, около 22,5% новых имперских дворян являлись выходцами из семей старой дореволюционной знати и служилого дворянства; Наполеона интересовало материальное состояние последних, которое они наряду с громкими фамилиями предков и крепкими традициями административной или военной службы, могли предложить новой Франции. Следующие 58% являлись представителями зажиточных слоев населения и буржуазии (нотабли) и лишь 19,5% были представлены низшими слоями общества, несомненно, добившихся успехов на военной службе, особенно на раннем этапе революционных войн. К 1814 г. около 60% всех новых дворян империи составляли военные. Так, 5 маршалов получили титул князей Империи (включая и “военные титулы”); 17 маршалов и генералов Империи получили титул герцогов; 5 маршалов и 168 генералов стали графами; 623 генерала – баронами и 88 – шевалье Империи; в это число так же входило свыше 300 генералов из тех, кто имел дворянский титул еще в дореволюционной Франции²⁸. Для сравнения, из общего числа 1547 полковников и адъютант-команданов (штабная должность), 295 этих старших офицеров были пожалованы титулом барона Империи и 247 – шевалье (542, или 35,1%), тогда как лишь 12 старших офицеров флота были удостоены дворянских титулов (7 баронов и 5 шевалье из общего числа свыше 220 или 6,18%)²⁹. Наконец, лишь 180 офицеров среднего командного звена армии (от су-лейтенанта до капитана) были пожалованы титулом шевалье Империи. В эту категорию так же входят и трое из солдатской среды: уже упомянутые Дюваль-Донье, возведенный в достоинство 26 апреля 1810 г., Э.-М.-М. Мале-Марин, капрал-фурьер 3-го полка линейной пехоты, а так же О.-Ж. Мопёрш (9 марта 1810 г.), рядовой 3-го кирасирского полка³⁰.

С другой стороны, от общего числа остальных 40% вновь возведенных дворян Империи, 22% титулов были пожалованы высшим гражданским служащим (государ-

²⁵ *Tulard J.* Op. cit., p. 314. Дюваль-Донье происходил из старинного дворянского рода Дювалей, аноблированного в 1667 г. – *Lamarque P.* *Armorial du Premier Empire.* Lathuile, 2008, p. 269.

²⁶ *Décret concernant le siège des majorats les fils des titulaires de majorats, les biens des majorats et le titre de chevalier – IV,* Bulletin des Lois, CCLXX, № 5249; *Durye P.* *Les chevaliers dans la noblesse impériale.* – *Revue d'Histoire moderne et contemporaine,* v. 17, 1970, p. 671–679.

²⁷ *Campardon É.* Op. cit., p. 122; *Lamarque P.* Op. cit., p. 372.

²⁸ *Six G.* *Les généraux de la Révolution et de l'Empire.* Paris, 1947, p. 28; *Соколов О.В.* Указ. соч., с. 105.

²⁹ *Quintin D., Quintin B.* *Dictionnaire des Colonels de Napoléon.* Paris, 1996, p. 23; *idem.* *Dictionnaire des Capitaines de Vaisseau de Napoléon.* Paris, 2003, p. 22–23.

³⁰ *Lamarque P.* Op. cit., p. 381.

ственные секретари, префекты департаментов, епископы, представители магистратуры); 17% пошло на представителей среднего звена (сенаторы, председатели комиссии выборщиков, мэры больших и малых городов); 1,5% получили представители “свободных профессий” (врачи, писатели, художники или члены Института) и, наконец, лишь 0,5% дворянских титулов получили представители индустрии и торговли³¹.

Одним из отличий наполеоновского дворянства от дореволюционного являлось пожалование наряду с титулом земельных владений и связанных с ними источников дохода – так называемая “дарственная”, или майорат, – взимавшихся с оккупированных или аннексированных Францией территорий. С другой стороны, многие вельможи, особенно из бывшего дворянства, располагали частным земельным владением или имели ценные бумаги в банке, и им, таким образом, не требовалось вспомоществование со стороны государства. Для получения жалованного майората наполеоновская администрация требовала от получателей предоставления свидетельств о доходе: 200 тыс. фр. для герцога, 30 тыс. для графа, 15 тыс. для барона и 3 тыс. – для шевалье Империи. Вновь созданный майорат мог передаваться по наследству старшему отпрыску по мужской линии в законном браке; также высокопоставленные священнослужители могли назначить законнорожденных племянников унаследовать их титулы. Кроме того, владельцы майоратов должны были засвидетельствовать наличие средств для внесения в казну: 20 тыс. фр. для герцога, 10 тыс. для графа и 5 тыс. для барона (шевалье были освобождены от этого обязательства) – либо в виде дохода с наследственной земельной собственности, либо в виде ценных бумаг. Данный майорат не мог быть обменян на эквивалентную денежную сумму, заложен за долги или продан с аукциона; кроме того, майорат не имел никаких привилегий перед другим частным земельным владением на территории Империи и подлежал налогообложению в обычной форме. Таким образом, к числу крупных землевладельцев Империи – нотаблей – приравнивалась и вновь созданная служилая знать, в основном высшие и старшие офицеры, но также и гражданские из числа сенаторов, министров, префектов департаментов и пр.

Обычно через три месяца после получения майората его обладатель приносил клятву, обещая “быть верным императору и его династии, соблюдать конституцию, законы и порядки Империи, и служить его величеству верой и правдой... воспитывать детей так же в послушании и подчинении, подниматься на защиту родины в годину опасности или же когда его величество находится во главе армии”³².

Другим способом поощрения являлась выдача денежных дотаций, львиную долю которых также получали люди в ботфортах – высшие и старшие офицеры Империи, служащие военной администрации и пр. Наибольшие привилегии имели маршалы, обладавшие подчас миллионными состояниями. 542 полковника первой Империи получили в общей сумме 100 тыс. фр.; например, полковник Л.-Ф. Марбёф, сын бывшего губернатора о. Корсика и покровителя семьи Бонапартов, получил одновременно 16 тыс. фр., а знаменитый в будущем мемуарист Марселин Марбо (сын генерала Марбо) являлся бенефициарием двух дотаций: 2 тыс. фр. с баварской земли Байройт (1809) и, дополнительных 2 тыс. фр. выплаченных в 1813 г. Другие 136 полковников получили дотации в 4 тыс. фр.; 48–1 тыс. и 78–500 фр. дотаций соответственно³³. Принадлежность к элитным частям также играла роль: так, лейтенант 1-го полка тиральеров Молодой гвардии Л.-Ж. Дефа, начавший службу еще в 1792 г., был возведен в мае 1808 г. в ранг шевалье Империи и получил дотацию в 500 фр. Многочисленные раздачи “премиальных” производились после каждой удачной военной кампании или сражения. Империи постоянно требовался здоровый дух соревнования, свежая энергия и, конечно же, подвиги и кровь на поле брани.

Наполеон также старался не повторять ошибок, присущих Старому порядку, где государство бросало многих обедневших дворян на произвол судьбы. Создавая свое дворянство либо путем браков высших и старших офицеров, часто выходцев из про-

³¹ *Tulard J.* Op. cit., p. 115.

³² Décret concernant des majorats, 1er mars 1808, Art. 37; цит. по: *Lamarque P.* Op. cit., p. 9.

³³ *Quintin D., Quintin B.* Dictionnaire des Colonels de Napoléon, p. 23–24, 569.

стого сословия, с девушками старинных родов Франции (fusion), либо жалуя титул шеваля Империи убеленному сединами ротному командиру, он старался подкрепить новое титулование материальной базой, иногда весьма солидной. Например, бывший бретер и солдат трех армий, а ныне маршал Империи Шарль Ожеро был женат вторым браком на бывшей графине Аделаиде Бурлон де Шаванж; командир эскадрона Марбо женился в 1811 г., на Анжелине Каролине, девушке из старинного рода Персон-Дебрие, а безногий инвалид генерал Пьер Доминиль, также выходец из простого сословия – на Анн Ф.-Л. Гара, дочери тогдашнего управляющего Французским Банком. В январе 1810 г. в Империи имелось около 4 тыс. владельцев различного рода майоратов и дотаций, получавших (теоретически) более 18 млн фр. годовой ренты; в апреле 1814 г. эти цифры выросли до 6 тыс. и 30 млн фр. соответственно³⁴.

Чтобы дворянство не превратилось в замкнутую касту, тот же Г. де Семонвиль предложил оформить “ступенчатое дворянство” – система, при которой сын дворянина при рождении получал статус на одну ступень ниже отцовской и тем самым службой должен был подтвердить свое наследственное право. Типичным примером может служить бригадный генерал в 25 лет М.-К.-Ж. Лефевр (1785–1812), сын маршала Ф.-Ж. Лефевра, герцога Данцигского, будучи пожалован титулом графа Империи по праву первоуродства, который, однако, ничем не зарекомендовал себя, кроме взбалмошного характера. То же относилось и к братьям; например, старший по рождению Арман де Коленкур (бывший при Старом порядке маркизом), теперь был возведен в достоинство герцога Виченца, тогда как его младший брат Огюст, погибший при атаке Курганной высоты в Бородинском сражении 7 сентября 1812 г., был графом Империи. При передаче же полных титулов от первого поколения к нижеследующему, дворянство в наполеоновской Империи рисковало отойти от принципов меритократии и равенства граждан. Хотя идея “ступенчатого дворянства” не была оформлена законодательно – новоявленные дворяне должны были испрашивать личное разрешение Императора для передачи своих титулов по наследству, – Наполеон понимал опасность того, что чрезмерное аноблирование может привести к деградации самого института имперского дворянства. Поэтому к концу Империи дворянские титулы даровались все реже и реже³⁵.

Создание нового имперского дворянства представляло собой причудливое смешение старого и нового, поскольку многочисленное новое дворянство первоначально не было связано с землей, как то имело место при Старом порядке. Однако эта созданная “аристократия без привилегий” вскоре упрочила свой наследственный статус в виде дарованных лично императором майоратов. С другой стороны, многочисленные шеваля Империи также являлись частью имперского дворянства без земельных наделов, хотя многим из них были пожалованы денежные дотации на приобретение таковых. Таким образом, речь не шла о восстановлении феодальных традиций, и общие принципы равенства, очерченные революцией, были в целом соблюдены.

Одним из стержней внутренней политики Наполеона являлось восстановление привилегий служилого дворянства, которое питало приверженность к новому имперскому режиму и служило ему с самоотверженностью и мужеством на поле брани, а также и с усердием на административной службе. Наполеон сформулировал законы по данному вопросу таким образом, что члены аристократических фамилий, вновь призванные на службу империи в армию, администрации или в законодательные органы, являлись объектом всеобщего внимания. В идеале Наполеон хотел получить новую аристократию, всем обязанную ему, готовую к самопожертвованию и наделяющуюся за свои труды доходами с многочисленных наследственных земельных владений или же финансовых дотаций. Увы, этими благами смогли за короткий период 1808–1815 гг. воспользоваться лишь немногие деятели Империи,

Великая армия Наполеона, вторгшаяся в Россию в 1812 г., не была похожа на ту первую Великую армию, созданную в 1805 г., что разгромила войска Третьей и Четвертой коалиций. Если прежде солдаты и офицеры верили, что эти войны ведутся

³⁴ *Ellis G. Op. cit.*, p. 80–81.

³⁵ *Blaufarb R. Op. cit.*, p. 186–190.

как продолжение революционных войн против иностранных интервентов, то поход в Португалию в 1807 г., вмешательство в дела союзной Испании (1808), установление династии Бонапартов на Иберийском полуострове и Апеннингах, аннексия Голландии в 1810 г. подтачивали веру в необходимость войны.

Взяв после установления Империи высшие производства в свои руки, Наполеон выработал определенные требования для своих будущих офицеров, генералов и маршалов, полагая, что “общий принцип талантливости состоит в знании ментальности солдата и обретении его доверия”. Или еще: “Характер командира должен иметь характер сродни интеллекту – это основа, равная высоте [положения]”. Перед производством Наполеон, бывало, спрашивал: “А удачлив ли этот военный?” – где под словом “удача” понимался вполне оправданный, просчитанный риск как основа для достижения успеха поставленной задачи³⁶. Многие из наполеоновских генералов и маршалов были, несомненно, удачливыми людьми, однако по-настоящему талантливыми – на военном или административном поприще – лишь единицы.

Создание имперского дворянства в марте 1808 г. размежевало до того относительно монолитное общество наполеоновских офицеров и генералов, многие из которых сражались в эпоху революционных войн против этого самого дворянства. Теперь военное сословие Франции служило не стране, ее народу и конституции, а исключительно трону и императору, пусть даже и одному из самых передовых реформаторов в Европе. Генералы и маршалы, которые вели свои корпуса и дивизии по бескрайним российским просторам, были, несомненно, опытными боевыми командирами, но как люди имели немало недостатков. Как и их всемогущий император, сражаясь за пределами Франции, они были немногим больше чем искателями славы и исполнителями приказов для достижения сиюминутного военного успеха, подчас не останавливаясь ни перед чем для выполнения поставленной задачи. История знает немало примеров не только храбрости, но и откровенной зависти, неисполнения своих служебных обязанностей или открытой личной вражды в среде наполеоновских офицеров. Многие из них, будучи яркими республиканцами во времена боевой молодости, теперь служили человеку, который эту же республику и похоронил. Всеми своими взлетами – и падениями, и новыми взлетами – они были обязаны исключительно Наполеону, который щедро наделял многих из них деньгами, чинами, орденами, почетными должностями и новыми дворянскими титулами.

Создавая свою Империю, Наполеон мечтал о совмещении идеи вознаграждения по заслугам (меритократии) и монархии, однако он неизбежно столкнулся с неравенством, которое было заложено изначально в этой системе. Краеугольным камнем его политики оставался старый революционный девиз “карьеры, открытой талантам”. Однако если прежде в соответствии с принципом меритократии за служение щедро вознаграждались представители самых широких слоев населения, включая и военных, то монархия – основанная прежде всего на идеале служения в обмен на привилегии и почести – предпочитала окружить себя представителями избранной элиты из числа тех, кто уже зарекомендовал себя на службе режиму. Первоначально составлявшие основу Империи нотабли отошли на второй план, так как кроме владения частной собственностью, повышавшей их избирательный ценз, они не были заинтересованы в служении Империи и готовности к самопожертвованию на поле брани. Теперь же лучшие представители наполеоновского общества – опытные юристы, администраторы и военные из тех, что когда-то верой и правдой служили французскому королевству, а затем и Республике – все они, будучи в прошлом представителями разных сословий, составили новый государственный и военный аппарат Империи. На смену им приходили люди из их же круга; во многих случаях процветали nepotизм и неоправданная протекция. Такая система “элитизма” оставила позади эгалитаризм – один из главных лозунгов французской революции. Старшее поколение, прослужившее многим режимам, мечтало теперь лишь об отдохновении, возможности насладиться предоставленными Империей благами, да и выгодно пристроить своих отпрысков – либо в гвардию,

³⁶ *Chandler D. Napoleon's Marshals. New York, 1987, p. xlv.*

либо в администрацию. Подобная ситуация оставляла все меньше и меньше шансов для многих молодых офицеров (да и тех ветеранов, кто вышел из солдатской среды), мечтавших теперь лишь о военных кампаниях, сражениях и особых поручениях, способствовавших к продвижению по службе как единственной возможности сделать карьеру без связей и солидных протекций.

С другой стороны, понятие чести воспитывалось во многих выпускниках военных училищ или среди сыновей и родственников высокопоставленных вельмож, генералов и маршалов Империи. Однако это прежде всего было необходимым условием принадлежности к классу профессиональных военных, многие из которых начинали свою военную карьеру еще до Революции. В основном понятие чести вкладывалось в чувство служения долгу, исполнения приказаний, и принятую в обществе манеру поведения – почти так же, как некогда офицеры Старого порядка воспитывали в себе культуру служения королю. В противовес официальной пропаганде, военные и, в частности, офицерская элита армии Наполеона, как правило, не идентифицировали понятие чести напрямую со службой родине, а подходили к этому понятию во многом на индивидуалистской основе. Некогда республиканская армия солдат-граждан, не задумываясь жертвовавших личными интересами во имя общего блага, сменилась в эпоху наполеоновской империи армией профессионалов, культивировавших чувство чести с помощью символов и материальных благ – чинов, дворянских титулов и привилегий. Наполеону требовались лояльные солдаты, офицеры и генералы, ценящие вознаграждения и личный престиж выше общественных благ, так как в его Империи источником благ являлся сам император французов, а не французский народ, республика или нация в целом.

Новоиспеченные офицеры и генералы, достигшие высоких чинов благодаря личной отваге, но также и на основании связей и личного желания Наполеона породнить старую знать с новой, имперской знатью, созданной в 1808 г., не смогли заполнить эту лауну. Все это в полной мере вскрылось на втором этапе кампании в России, погубившей при отступлении лучшие кадры Великой армии.

Наконец, решение Наполеона оставить армию и уехать в Париж, принятое им 5 декабря 1812 г.³⁷, подточило веру высшего командного состава в непогрешимость властелина. С его отъездом исчезла центральная, харизматическая фигура, одно присутствие которой сплачивало всю Великую армию, от простых солдат до маршалов. С другой стороны, передача верховного командования армией на попечение неаполитанского короля Мюрата как “старшего по иерархической лестнице” в Империи вызвало широкий протест со стороны высших офицеров. В итоге честь спасения многих человеческих жизней могут смело разделить “губернатор Литвы” Д. ван Хогендорп (обустроивший небольшие запасы в Вильно) и командующий 4-м армейским корпусом принц Э. Богарне (возглавивший командование остатков Великой армии в январе 1813 г.). Прочие генералы и маршалы (например, Лефевр, Мортье, Виктор-Перрен), отступавшие отдельно от основной группировки, приведя вверенные им части в Восточную Пруссию, посчитали свою задачу выполненной и, сложив с себя командование, покинули армию и стали ожидать новых назначений³⁸.

Наполеон еще надеялся удержать под своим контролем Пруссию и Австрию. Однако этого не произошло, так как центральным элементом решений внешнеполитических вопросов Наполеон видел скоротечную военную кампанию с немедленным результатом, а не дипломатию. Со своей стороны, соревнуясь за новый передел Европы, сначала Пруссия, а затем и Австрия, отложившись, начали, надеясь на помощь доблестного русского солдата, встречную войну не на жизнь, а на смерть – войну, которая в конечном исходе привела Наполеона к катастрофе и крушению его Империи.

---

³⁷ Об отъезде Наполеона из России интересную статью А.И. Попова см. *Понов А.И.* Наполеон в Ошмянах. – Новая и новейшая история, 2012, № 5, с. 112–127.

³⁸ О последних месяцах отступления Великой армии из России см. *Schnied F.C.* The Dynamics of Defeat: French Army Leadership: December 1812 – March 1813. – The Journal of Military History, №. 63, January 1999, p. 7–28.